

несомненно, низшие чиновники, неправомерна: это «низшие» именно, среди чиновничества, а в первом случае — «низшие» среди граждан вообще. *Oi kato* не имеет технического смысла.

Далее. «Архонты» у Кекамена — люди, обладающие властью. Но отнюдь не одни столичные сановники, а также и все те, кто по фемам командует войсками. А такими были и Фоки, и Дуки, и Цимисхий, и Вурцы, которые страшно обижались, если императоры не позволяли им, представителям элиты военной аристократии, «окружать» и «сопровождать» себя, а заставляли «сидеть в проастиях». В таких случаях они сплошь и рядом поднимали грозные восстания.

Третья формула говорит сама за себя (или вообще ни о чем нужном в данной связи не говорит)...

Мы кончили, оставшись при своем мнении: аргументы Каждана не поколебали наших представлений о личности и мировоззрении Кекамена.

Это отнюдь не означает, что мы отвергаем все соображения, которые Каждан высказал в своей рецензии. В ней содержится немало интересного. Прежде всего она убедила нас в том, что необходимы более четкие критерии, позволяющие разграничить военную провинциальную аристократию и чиновную знать XI столетия. Краткие ремарки Каждана на стр. 164—166 позволяют заключить, что его подход к вопросу существенно отличается от нашего: он готов считать военной знатью только представителей потомственной землевладельческой аристократии, «благородной» издревле. Спрашивается, однако, как определить социальную принадлежность тех, кто поднялся в военную среду из низов, из гражданского сословия, из иноплеменников? Когда этих лиц можно считать «акклиматизировавшимися» в среде военной знати? Когда они обрели сходное социальное сознание? Или не обрели его вовсе, сохраняя из поколения в поколение приверженность к воззрениям предков? В какой мере сознание «наследуется» и в какой — формируется в зависимости от жизненных условий и влияния той среды, частью которой личность стала?

Как оказалось, все что заслуживало рассмотрения прежде, чем мы взялись судить о социальной принадлежности и взглядах Кекамена.

Неясны, видимо, и такие часто используемые в историографии понятия, как «крупная» и «средняя» прослойка знати в среде и военной аристократии, и гражданского чиновничества, на что справедливо уже обращено внимание Г. Л. Курбатовым в его рецензии¹³.

Г. Г. Литаврин

А. П. Каждан. Книга и писатель в Византии. М., 1973, 151 стр.

Видный советский византист А. П. Каждан давно уже выступает как популяризатор гуманитарных знаний; ему принадлежит несколько интересных и полезных научно-популярных книг по истории, вспомогательным историческим дисциплинам, истории религии.

Новая работа А. П. Каждана посвящена культурной истории Византийской империи. Она состоит из пролога и четырех глав. В конце помещен вспомогательный материал: примечания, список основной литературы и указатель имен, составленный И. С. Чичуровым.

В первой главе (она называется «От знания до творчества») рассказывается о писемном материале, форме книги (перы, свиток, кодекс), ее внешнем оформлении, включая миниатюры и орнамент, о писцах и их труде. Вторая глава («От буквы до знания») посвящена византийской системе образования: здесь идет речь о начальной и высшей школе, о методах обучения, о положении учителя и образованного человека вообще, о тех, кто, подобно Иоанну Цецу или неизвестному педагогу начала X в., зарабатывал себе на жизнь литературным трудом и обучением юношества.

Третья глава («От знания до творчества») почти целиком отведена Никите Хониату, которого А. П. Каждан справедливо называет «одним из самых своеобразных византийских авторов» (стр. 82). Эта глава представляет собой новый и свежий этюд о Хониате, показывающий мало или вовсе еще не раскрытые особенности и характерные черты его творчества, его писательской индивидуальности. Наконец, последняя глава («От творца к читателю») открывается вопросом — какими путями достигали литературные памятники тех, для кого они были написаны? Автор показывает различные пути распространения художественных произведений и их место в общей духовной жизни народа. Тут говорится о византийском театре, о мистериях в составе богослужения, о богослужении, в котором сохранялись элементы театрализованного действия, правда, принципиально на иной основе, чем это было в античном театре. Далее, автор переходит к литературным жанрам в средневековой греческой литературе, отмечая их разнообразие и бегло характеризуя исторические сочинения, хронографы, агиографию, литургическую поэзию, византийскую сатиру, любовную лирику. Заключается эта глава изложением некоторых сведений о византийских библиотеках и судьбах византийских книжных собраний в последние века существования империи и после ее падения

¹³ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 160.

Как видно из вышесказанного, главы образуют собой как бы цепочку, связывающую культурную жизнь страны в единое целое; процесс производства книги показан как необходимое звено целого.

Книга А. П. Каждана является первой в советском византиноведении (да и вообще в литературе русского византиноведения) книгой, задуманной и построенной столь своеобразно; она не может расцениваться только как научно-популярное сочинение, поскольку в ней содержится немало исследовательского материала (достаточно упомянуть ту же главу о Никите Хониате).

По содержанию глав могут быть сделаны лишь немногие замечания. Так, желательным было бы увеличить число приводимых в книге записей писцов, встречающихся в греческих рукописях, чтобы показать их разнообразие и лучше характеризовать фигуру писца: среди писцов были монахи, для которых переписка церковных книг была делом богоугодным, и писцы, зарабатывавшие себе таким путем на пропитание. Следовало бы также подробнее остановиться на причинах массовой гибели памятников средневековой греческой письменности. Досадной ошибкой является заявление автора (стр. 21) о том, почему писцы античного времени писали, держа рукопись на коленях, в противоположность средневековым писцам, которые клали рукопись на столик. Здесь дело не в том (как предполагает А. П. Каждан), что об «удобстве труда рабов» мало заботились, а в усовершенствовании методов переписки. Не стоит перечислять подобные мелкие и немногочисленные недосмотры в насыщенной содержанием и написанной со знанием дела книге. Такого рода недостатки имеются в любом исследовании, но они не уменьшают значимости работы в целом и не имеют принципиального значения. Мое главное и принципиальное возражение автору касается другой стороны дела.

Судя по названию книги, можно было бы ожидать, что она имеет целью изложить историю византийской книги и судьбы писателей в Византийской империи. Однако автор пытается дать общий обзор духовной или культурной жизни греческого народа на всем протяжении тысячелетнего существования Византии. Такая задача вряд ли может быть выполнена в пределах небольшой работы (всего около 8 печ. листов). Выполнению этой задачи препятствовала прежде всего исходная позиция А. П. Каждана, которая наиболее отчетливо изложена им в конце второй главы (стр. 81): «Византия сделала много для развития культуры. Во-первых, потому, что она сохранила высшие достижения эллинской мысли. Во-вторых, потому, что она, развивая античное наследие, создавала новые принципы научного и художественного творчества». На протяжении всей своей работы автор подчеркивает традиционализм византийской культуры, ее нетворческий характер, неспособность византийской науки к плодотворному самостоятельному развитию, к выработке новых методов исследования, к прокладыванию новых путей или постановке новых проблем. С другой стороны, А. П. Каждан последовательно привлекает данные по истории книги и образованности в Римской империи и средневековой Европе (преимущественно — Италии; см., например, стр. 15, 19, 55, 57, 136 и др.), говорит о славе Константинополя как центра образованности, но лишь о славе этого города среди народов Западной Европы (стр. 71). Перечисляя любителей и собирателей книг, рассказывая о судьбах греческих средневековых библиотек после 1453 г., автор имеет в виду только те библиотеки, которые были переправлены в Западную Европу (см. стр. 137—143).

Итак, А. П. Каждан интересуется связью греческой империи только с народами Западной Европы, а значение византийской книжности и всей культуры в целом только в смысле сохранения античного наследия и его передачи западноевропейским народам; и тут имеется в виду почти исключительно Италия, ученые итальянского Возрождения.

Такая исходная позиция представляется мне односторонней, даже ошибочной. Попытка охарактеризовать византийскую культуру, а в особенности ее письменность, ее значение для культурной истории других народов, ее место в мировом культурном развитии вне связи с культурой восточных славян заранее обречена на неудачу.

Необходимо было уделить соответствующее место вопросу о значении византийской письменности и византийского просвещения для славяно-русской культуры, рассказать о центрах византийско-славянского общения и сотрудничества, где в течение долгих веков работали переводчики и писцы, филологи, обучавшиеся у учителей-греков и отбравшие под их руководством тексты для перевода на свой родной язык.

Автор вправе возразить мне, что тема византийско-славянских культурных связей не была его задачей, но в таком случае обязательно нужно было бы оговорить это обстоятельство. Иначе обедненной оказывается основная тема книги. В самом деле, если значение византийской культуры заключается лишь в сохранении античного наследия и передаче его итальянским гуманистам, можно ли понять и правильно оценить тот величайший значимости факт, что именно на основе этой якобы нетворческой и полной традиционализма культуры выросла письменность и в древней Болгарии, и на Руси? Говоря о византийской образованности, А. П. Каждан забывает о том, что главное место в системе знаний принадлежало комплексу гуманитарных наук, который в настоящее время принято объединять под названием классической филологии. Не случайно греческая церковь, приобщая к христианской религии тот или иной народ, считала нужным позаботиться о переводе на другой язык необходимых церковных текстов. В. Ягич писал следующее: «Уже первый акт, занесенный на страницы славянской культурной истории под именем Константина Философа, его вопрос, заданный им визан-

тийскому императору о том, имеются ли у моравских славян свои буквы, представляет вопрос филологический. На деле Константин был первым славянским филологом в полном смысле слова. Ведь он составил: 1-е — для славян особое письмо; 2-е — установил правописание; 3-е — сделал первые переводы с греческого языка на славянский. Его (т. е. Константина. — *Е. Г.*) примеру подражали потом другие, между прочим, тот аноним, которому мы обязаны вторым славянским письмом. Полстолетия спустя выступил как филолог Иоанн, экзарх болгарский, вдавнившийся в рассуждения о трудностях задачи переводчика. Наконец, филологической работой этого первого времени (конца IX и начала X столетия) можно назвать также известную апологию черноризца Храбра, защищавшую славянское письмо от нападков и возражений со стороны греков»¹.

В рецензии нет возможности подробнее остановиться на обширной, поистине неисчерпаемой теме византийско-славянских культурных связей. Тема эта, как известно, неизменно привлекает к себе внимание славистов-филологов, литературоведов, историков, археологов в широком смысле слова. Лучше попробуем ответить на вопрос, почему эта тема, столь же правомочная, сколь и тема связей Византии с народами Западной Европы, оказалась даже не упомянутой в книге А. П. Каждана? Очевидно, причина заключается в сложившейся традиции. Специалисты по византийской филологии сравнительно редко обращаются к славяно-русской письменности. Гораздо чаще можно встретить обратное явление — а именно обращение специалистов по славяно-русской письменности к византистике, к теме византийского наследия в славянских странах.

Е. Э. Гранстрем

И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и [культуры] поздневизантийского города. Л., 1973, 163 стр.

Монография посвящена изучению города Мистры. Наименование Мистра употребляется И. П. Медведевым двояко: когда он пишет, что в 1910 г. Милле работал в Мистре, то, безусловно, Мистра — это развалины крепости города Спарты; когда говорится о резиденции правительства, местопребывания крупнейших феодалов, о центре интеллектуальной жизни, искусства, Мистра — своего рода кремль, акрополь расположенного вокруг (включая и берега Эвроты) города (стр. 18); когда говорится о военных событиях, то имеется в виду крепость, акрополь, кастрон. Но когда исследователь переходит к рассмотрению ремесла, торговли, то он говорит уже не о Мистре, а о том городе, который находился вне акрополя, но тем не менее — расходясь с подавляющей массой византийских источников, называет этот город не Спартой (Лакедемоном), а Мистрой. И. П. Медведев отвергает, но без аргументации, положение о том, что в городе Спарте произошло перемещение центра; между тем, построенная крестоносцами в военных целях крепость Мистра, перейдя в руки местного населения в 1262 г., стала новым центром старого города. Ведь не все население Лакедемона-Спарты перешло в крепость, а только феодальная правящая знать со своим окружением. Мистра стала центром национального движения не потому, что население считало себя «мистриотами» (в византийских источниках Мистра называется не Мистрой, а Спартой), а потому, что Спарта, Лакедемония, прославленные в эпосе и литературе, были столь дороги для каждого грека! По нашему мнению, правильнее было бы назвать монографию не «Мистра», а «Спарта в средние века».

И. П. Медведев обстоятельно пишет о Мистре, ставшей центром национально-освободительной войны греков против крестоносных захватчиков. Но при этом не следует, что представляло собой греческое население, окружающее район подвергавшийся влиянию Мистры. Между Спартой Никона Метаноита (X в.) и Спартой 1262 г. — провал. Кто такие цаконцы, которых источники XIII—XV вв. считали живущими в труднопроходимых местах локонцами-спартанцами¹.

При объяснении успехов Спарты в освобождении Пелопоннеса от власти крестоносцев это имеет некоторое значение. Вся это касается тенденции И. П. Медведева поставить во главу угла только цитадель Мистру. Странно читать, например, на стр. 32, 34, 38 и др. о «мистриотах», тогда как в источниках речь идет о «лакедемонянах».

Автор считает, что аграрный переворот, происшедший в Византии в XI и XII вв., не коснулся Пелопоннеса. Трудно себе представить, однако, чтобы реформы Мануила не коснулись Пелопоннеса: «Морейская хроника» рассказывает, что прония в Пелопоннесе была распространена и до крестоносцев. К тому же именно в Пелопоннесе крестоносцы встретили сильное сопротивление — и в дальнейшем из среды пелопоннесских землевладельцев возникли крупные фамилии феодальной знати. Доверенность Михаила VIII Макринусу предоставлять пронии вовсе не означает, что до того времени в Пелопоннесе не было проний (стр. 53).

Вторая глава монографии посвящена внешним событиям — борьбе за освобождение области Лакедемонии от власти крестоносцев. И. П. Медведев последовательно по-

¹ *И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910 («Энциклопедия славянской филологии», вып. 1), стр. 3.*

¹ См. ниже нашу аннотацию на работу Х. П. Симеонидиса, стр. 210—212.